

ЯСМИНА САПФИР

УБИТЬ
НЕЛЬЗЯ
НАУЧИТЬ

ЗАГОВОР ВНУШАТЕЛЕЙ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С19

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *Е. Черновой*

Сапфир, Ясмина.

С19 Убить нельзя научить. Заговор внушателей / Ясмина Сапфир. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-699-97033-9

Ты согласилась на стажировку в Академии Внушения и Наваждения? Будь внимательна! В этом раю безалаберности и царстве гламура придется бороться со страшными галлюцинациями, вести настоящее следствие и снова сражаться с зелеными великанами-крипсами, врагами всех перекрестий миров. Но все проблемы можно решить! Особенно если рядом твой любимый — воин-варвар, способный ради своей женщины рискнуть жизнью, раскрыть самый хитроумный заговор и даже отказаться от своих якобы незыблемых мужских принципов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сапфир Я., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97033-9

Пролог

В Академии Внушения и Наваждения ничего не делалось по-человечески. Да и людей-то тут было — раз-два и обчелся.

Чтобы попасть сюда на стажировку по обмену, достаточно устного согласия ректора. Но чтобы вернуться в родную Академию Войны и Мира, недостаточно даже выйти в стену.

Проректор, Гвендолайн Эйр из расы сальфов, покачнулся на подоконнике, словно былинка на ветру, и наконец-то опустил взгляд на заявление Вархара.

Сам Вархар Изилади, мой начальник и жених, застыл неподалеку от дверей кабинета Гвенда в подозрительно немирной стойке. В основной стойке любимого вида борьбы своей расы — скандров. Далеко не все «внушатели» исхитрились не запаниковать после того, как он вставал в эту позу. Даже странно, что здешний ректор не запретил ее во веки веков.

Впрочем, скорее всего, он понимал, что потасовки варваров из Академии Войны и Мира — не более чем невинные мужские забавы. Всерьез в них участвовали только скандры с мрагулами — самые знаменитые варвары трех перекре-

ствий. И они прекрасно понимали, к кому можно применить силу, а кого стоит лишь слегка припугнуть. Бывали и печальные случаи, но пострададальцев быстро восстанавливали в медкорпусе. Удивительная энергия жизни творила чудеса: за считанные дни затягивала раны и даже наращивала руки, ноги, зубы. Только что загубленную одежду не возвращала. Но уж страху варвары нагоняли так виртуозно, что кошмарные слухи об их издевательствах ходили по всем мирам.

Самим же скандрам с мрагулами «молодецкие забавы» грозили разве что синяками, шишками и ссадинами. Да и те заживали буквально на глазах. Зато науки им давались с большим трудом...

Я осторожно отступила в угол, подальше от жениха и Гвенда. В замешательстве проректор легко мог накрыть всех, кто неблагоразумно остался поблизости, Куполом Сомнений. Или, того хуже, оглушить Кольцом Страха. И метаться бы мне тогда по кабинету, примерно как неделю назад, когда Вархар ловил «свою женщину» по всему холлу корпуса. Правда, затем он ловил «автора внушения» — Серебряна Гора — уже по всему зданию. Метивший Кольцо Страха в нерадивого студента препод на свою беду промахнулся и угодил в меня. Серебрян прятался за все, что попадалось на пути, забирался на шкафы и запирался в сейфы. Но такие мелочи скандра никогда не останавливали.

Вархар выковыривал Серебряна из ящичков, стряхивал с антресолей, пока не поймал уже на подоконнике. Сальфу не хватило секунды, чтобы выпрыгнуть из окна двухсотого этажа. Этот по-

пулярный в Академиях перекрестий способ уйти от мести Вархарар или уволиться, похоже, никогда не выйдет из моды. Мой варвар преградил Серебряну «путь на волю» стеной света. Скандр управлял светом, как ногой, рукой, а правильнее даже сказать — как двуручным мечом.

Минут двадцать внушал Вархар Серебряну, как нехорошо доводить до панической истерики чужих невест. Внушал безо всяких «мозголомных штук», простым и самым любимым скандрами способом — физической силой. При этом умудрился не коснуться Гора даже пальцем! Разве что стену за спиной внушателя снес почти подчистую. Не зря, напутствуя нас, Езенграс изрек: «Воинственные скандры кого угодно в чем угодно переплюнут».

— Вы это серьезно? Не шутите? Настоятельно требуете прервать стажировку? Требуете доставить вас назад? Нет! Ну вы правда серьезно? — Гвенд слегка подвинулся на подоконнике и дрожащими руками поправил сложенные в позе лотоса ноги.

— Я тебя сейчас серьезно выкину из окна, — очень спокойно предупредил любимый, и в глазах его впервые промелькнула настоящая, почти звериная ярость.

Кто-кто, а уж я-то не понаслышке знала — он может, и еще как. После всего, что случилось со мной по вине внушателей, я еще удивлялась — как Вархар не разнес тут все по камушку. Единственное, чего никогда не прощали скандры с мрагулами, — вред любимым женщинам и попытку за ними приударить. Эти две вещи превра-

щали добродушных исполинов в беспощадных воителей, которые пленных не берут и объяснений не слышат.

В нашей родной Академии до сих пор хихикают, обсуждая «полет навигатора». Скандр Драгар, мой аспирант и неловкий ухажер, только-только выписался из больницы медкорпуса, куда угодил стараниями Вархара. Именно он вышвырнул парня в окно после знаменитой драки во время Академического бала. Драгар пролетел двадцать этажей и распластался на каменных плитах во дворе корпуса. Хорошо, что врезался в них не темечком, а... сапогом, намертво зашнурованным на его бедовой голове. Чтобы не расколотить светильник разума, как выразился Вархар. Боюсь, он слишком буквально понимал фразу «отбить женщину». И вместе с женщиной отбивал соперникам все, что можно, и даже то, что нельзя.

— Что вы, что вы, уважаемый Вархар Изилади! — Гвенд вздрогнул, когда свет красиво и очень опасно окутал его жилистую фигуру и сгустился вокруг круглых оттопыренных ушей. Уши опасно засветились. Лицо проректора вытянулось — кажется, он понял, что теперь весь во власти моего жениха. К несчастью местных «мозгокрутов», внушению и наваждению скандры не поддавались вовсе. Кажется, при рождении им не положено было выдавать ни страх, ни все к нему прилагающееся — сомнения, ночные кошмары, жуткие фантазии.

Никогда не забуду реакцию жениха на мои любимые ужастики.

Сначала Вархар недовольно пыхтел и возмущался тем, как бездарно и безграмотно убивают там всех и вся. Крики «Ну, кто же так колет? Ну, кто же так режет? Ну, кто же так шинкует?» доносились до самой академической кухни. И вскоре наши кулинары, перевязанные с ног до головы, выстроились в очередь у медкорпуса. Вдохновленные замечаниями Вархара, они приготовили самые вкусные блюда в своей жизни. Буквально обливаясь кровью и потом. Не порезался в тот день только один помощник повара — истл. На него с утра так наорала жена, что бедолага еще неделю вообще ничего не слышал.

Ганнибалу Лектеру Вархар в приливе сострадания посоветовал сходить к стоматологу, чтобы со вставными челюстями «бедный мужик» смог жевать нормальное мясо. Не только мягкое, человеческое, но и жесткое — животное. Декстеру скандр настоятельно порекомендовал задушить своего «хомячка» на корню. Взять пример с «блестящего во всех смыслах пародиста вампиров Эдварда Каллена» из комедии «Сумерки». Когда Вархару случайно попался этот фильм в Интернете, я думала, от его хохота у нас вылетят оконные стекла. Возможно, даже вместе с рамами. В порыве чувств скандр так колотил ладонью по столу, что после титров тот затрещал и развалился на четыре части. Хорошо, Вархар изловчился поймать ноутбук — уже у самого пола.

Но столом список жертв «Сумерек» не ограничился. Еще неделю Вархар встречал меня на пороге фразой: «Открой рот, Белла, это я, Эдвард! С закрытым ртом я могу тебя не узнать». И бу-

дил криком: «Розали-и-и! Это Эммет! Я прыгал по деревьям и попал ногой в дупло! А там по-настоящему страшные вампиры — белки-и!»

Героиня главного ужастика моей молодости, фильма «Звонок», впечатлила скандра еще меньше.

— Слышь, Оль! На черта занавешивать волосами такое страшное лицо? — искренне удивился он. — Уж если пугать, так самым страшным. Белой перекошенной физиономией! А так.. Ну, подумаешь — кривая, косая баба? Я в родном мире и похуже видал. После наших нашествий на чужие города и деревни бабенции и покровее встречались. Случайно ломались, бедовые. Думали, шандарахнут нас чем-нибудь или прибьют... и сами себя калечили. Дунц тяжелым предметом, а он как отскочит — и в нее рикошетом... Нам-то чего? Почесал затылок и дальше пошел. А бабе потом замуж не выйти... Короче! Ты поняла.

В Сайлент Хилле Вархар посоветовал «провести суровую дезинфекцию», чтобы уничтожить «полчища червей». Как следует помыть туалеты и выбросить оттуда весь «биологически активный мусор», то есть активных трупов. Всех, кто боится «ведра рыбной наживки», списать в утиль. «Гудок», после которого разгуливали мертвые и убийца с пирамидой вместо головы, окрестил криком самки кашалота, обделенной мужским вниманием. И предложил режиссеру «шарахнуть» зрителя по-настоящему впечатляющим звуком — сигнализацией нашей родной Академии. С этим я не могла не согласиться. Боюсь только, у «скорой помощи» резко прибавилось бы работы, а фильм

запретили бы к показу, как оружие массового поражения. Самку же кашалота Вархар потребовал немедленно удовлетворить, чтобы не маялась, бедная.

Вдоволь покритиковав знаменитых убийц и монстров моей родины, скандр принимался в подробностях описывать «как надо». Вот тут-то меня и пробивал самый настоящий холодный пот, чего ни разу не случилось во время просмотра ужастика.

Но потом Вархару предсказуемо становилось скучно. Широко зевнув, он лениво стягивал футболку. Принимался заново демонстрировать свои шрамы и подробнейшим образом рассказывать, что сотворил с теми, кто их оставил. Тут меня уже совсем начинало колотить. И скандр, конечно же, принимал это за дрожь желания от вида его сногшибательного тела, олимпийским богам на зависть. Стягивал брюки, контрольным выстрелом тыкал пальцем в маленький рубец на бедре, и... я забывала о фильмах и страхе. На несколько часов.

Внушателям пришлось намного хуже, да и бонусы в виде ошеломительного секса им не светили.

Гвенд тяжело вздохнул и одарил Вархара взглядом, полным невысказанной тоски по тем, кто подвержен хотя бы легким сомнениям.

— Ну, посудите сами, уважаемый Вархар Изиледи, уважаемая Ольга Зуброва. Я ваше заявление даже ректору показать не смогу, — с отчаянием в голосе простонал Гвенд. — Ну что это за причины прекращения стажировки? Безудержная по-

хотливость манерных, но не маневренных слизняков? Или вот это? — Проректор поморщился, но все-таки зачитал: — Неспособность местных студентов и преподавателей понимать намеки с первого удара? Ну вы серьезно?

Гвенду ответило молчание. Вархар был серьезен как никогда, я же едва сдерживалась, чтобы не захихикать, наслаждаясь креативом жениха. Истинную причину отъезда Вархар, конечно же, не упомянул ни словом. И слава богу! Она была куда менее веселой.

В отчаянии проректор всплеснул руками и добавил:

— А это? Несвоевременный уход местных лекторов и учащихся в обморок из-за неподражаемого удара убеждения?

— А ты поставь печать и подпись. Я сам схожу к ректору. Не слюняй какой-нибудь. — Вархар плотоядно хмыкнул и потер руки, отчего плечо Гвенда дернулось снова. — И все, что не можешь показать ему ты, я покажу сам. Возможно, даже больше покажу. Накопилось. Я никому и никогда не позволю пялиться на мою женщину! А уж культурные ухлестывания — отдельная тема. И хочу тебе напомнить, что я предупреждал! Если с головы Ольги упадет хотя бы волосок... Короче! Разговор смысла не имеет. Все решено. Мы уезжаем домой — и точка!

Истинно акулий оскал Вархара произвел на коллегу неизгладимое впечатление — Гвенд пошатнулся, икнул и вывалился-таки из окна. Заявление, освобожденное из длинных пальцев проректора, занесло в кабинет услужливым порывом

ветра. Бумага медленно, как осенний лист, закружилась по комнате, площадью с большой зал филармонии, и, окутанная лучами, прилетела прямо в руки Вархара.

— Хм... — Мой жених приподнял бровь, а вместе с ней и три удивительные родинки — одна другой меньше. — Странные они тут, да? И нервные какие-то. С тех пор как приехал, сразу внимание обратил. А главное, заметь, какие летящие субъекты. То и дело летают в окно. Почаще Драгара. Не зря у них такой огромный медкорпус и столько магов, что владеют энергией жизни. Насущная потребность, куда ж деваться.

— А-а-а... — ворвался в кабинет вопль Гвенда, а спустя секунду ворвался в окно и сам Гвенд. Световой кокон с проректором внутри пулей рассекает воздух и завис неподалеку от пластикового письменного стола.

— Не уходи в окно, пока не прочел наше заявление, — с ноткой обиды пожурил Вархар. — Вот потом — милости просим!

Лучи вокруг Гвенда рассеялись, он опрокинулся на пол, прокатился в позе зародыша и, судорожно моргая, поднял выпученные глаза. На лице проректора крупными буквами было написано, что он все-таки предпочел бы выброситься с огромной высоты, чем распрощаться с нами в этот тяжелый для внушателей момент.

Скандры грозили, но не вредили, а вот озверевшие крипсы — совсем другое дело. Не говоря уже о серьезных проблемах внутри Академии Внушения. Пожалуй, только Вархар и мог решить

их быстро, бескровно, спасти местное руководство от увольнения, а учебное заведение — от нашествия зеленых великанов.

Конечно же, Гвенд цеплялся за нас, как цепляется за соломинку утопающий. И ломать слабый пруттик собственными руками, подписав заявление, проректор не спешил.

— Уважаемый Вархар Изилади, уважаемая Ольга Зуброва. Ну, может, еще подумаете? А? — взмолился сальф.

Настойчивость делала ему честь. Но я-то знала — в таком состоянии Вархара не убедить, не переспорить. Сама пыталась — весь вчерашний вечер и нынешнее утро. И уж если мне это не удалось, куда там «бабе-внушателю».

Вархар не сдержался, проявил эмоции — выпустил лучики из пальцев. Они весело пронеслись через весь кабинет и словно бы мимоходом коснулись стопки бумаг на столе Гвенда. Кипа с человека высотой вспыхнула и рассыпалась кучкой пепла. Ветер крайне неудачно и очень сильно подул в сторону проректора. Спустя секунду на полу, нервно покачиваясь из стороны в сторону, восседал уже не обалдевший Гвенд, а самый настоящий трубочист.

На черном лице бешено вращались светло-голубые глаза, аккуратные аристократические губы трогательно дрожали от обиды. Ноздри идеально прямого, тонкого носа трепетали от возмущения. То ли Гвенда настолько не порадовал новый цвет его прежде белоснежного брючного костюма — угольный, в черных разводах, то ли общение с Вархаром.

— Кто-нибудь! Внушите мне, что все хорошо, — взмолился проректор, воздев глаза к потолку. И очень зря он это сделал.

— Любой каприз для дорогого коллеги!

От оскала Вархара Гвенд икнул снова и начал заваливаться назад, на пол. Но в следующую секунду мой жених схватил его за плечи, поднял на вытянутых руках, как мягкую игрушку, и затряс, словно планировал стряхнуть пепел.

— А ну считай, что все хорошо! — рыкнул Вархар в лицо коллеги.

— Йа-а счита-а-а-ю-ю, что все-е хорошо-ой... — вибрировал голос Гвенда.

— Вот это, я понимаю, внушение.

Довольный собой Вархар усадил ошарашенного Гвенда прямо на пластиковый стол, на место безвременно почившей бумажной кипы. Проректор, кажется, на чистых инстинктах сложил ноги в позе лотоса, и оба глаза его задержались в нервном тике.

— Будешь читать, или продолжить внушение? — деловито уточнил любимый, снова расплываясь в улыбке, и сунул заявление Гвенду под нос.

Тот отшатнулся от бумаги как от чего-то очень острого и опасного, но меня это совсем не удивило. За пару недель Гвендолайн Эйр натерпелся от Вархара и не такого, про здешних преподав я вообще молчу. Увы! В этот тяжелый для внушателей момент наше отсутствие грозило куда большими бедами, чем присутствие.

— М-могу я посоветоваться с коллегой? — без особой надежды спросил Гвенд и, на свою беду,